

почерки определенно носят юго-западный характер; об этом говорит не только их внешний вид, но и особое начертание отдельных букв, как, например, *б*, *в*, *ж* и др. В таком случае можно было ожидать, что Мусин-Пушкин и Малиновский отметят подобные начертания, ибо они должны были затруднять чтение; а главное надо полагать, что ни Ермолаев, ни Карамзин не пропустили бы этого обстоятельства. Возможно, заявление Селивановского надо рассматривать как беглое и неверно осмысленное впечатление человека без специальных знаний. Но несомненно, в рукописи должны были иметься какие-то особенности, которые вызвали у Селивановского это ложное представление. Всего вероятнее предположить, что наравне с орфографией рукописи и графика ее носила особые черты, заимствованные в конце XIV—начале XV века из болгарских и сербских рукописей и в большинстве склынувшие позднее, к середине XVI века. Мы указали уже некоторые из них: красивую лигатуру *тр*, благодаря которой слово „Трояни“ было прочитано в первом издании как „Зояни“, „очное“ *о* в слове „очима“.

Но кроме отдельных характерных начертаний, мы находим в русских рукописях XV века особые полууставные почерки — типа четкой, иногда круглящейся скорописи с лигатурами и вычурами. Возможно, что подобное письмо, говорившее Ермолаеву и Карамзину лишь о XV веке, Селивановскому показалось белорусским письмом конца XVII века.

Итак, уже на основании вышеприведенного можно возводить мусин-пушкинскую рукопись к концу XV—началу XVI века.¹ Во всяком случае можно думать, что рукопись, ввиду своего состава (летопись и повести), была написана деловым, а потому беглым, или спешным, полууставом, некрупным, с достаточным количеством сокращений и выносных букв.² Можно предпологать также, что к XVIII веку она успела несколько обветшать, т. е. ряд начертаний, особенно выносные буквы (написанные более мелко), успел если не стереться, то побледнеть, а потому мог быть пропущен при списывании. Имелись, конечно, и в самой рукописи ошибки и утраты, накопившиеся с XII по XV век.

Для первых издателей поэмы основные затруднения заключались в разделении слитно написанного текста на отдельные слова и в раскрытии сокращений, принятых в древнерусской письменности. Такое сокращение или отмечается над строкой титлом, или имеет, кроме того, под титлом одну из пропущенных согласных.

В XV веке определенные буквы уже могут выноситься без титла. В XVI веке к ним присоединяется ряд новых букв. Короткие слова религиозного значения, постоянно встречающиеся и потому всем понятные, продолжают писаться под титлом, без выносных букв. Когда в рукописях XV—XVI веков еще сохраняется титло над выносной буквой, то оно уже не вырисовывается как ранее, а часто имеет вид очень легкой дужки или просто наклонной черточки. Выносные буквы, как правило, более мелкого размера, чем строчные; а выносная буква с принимает вид точки, стоящей под легкой „бровкой“ (дугой титла).

¹ „Пятнадцатый век не может быть отличен от первой половины 16-го по количеству югославянских графических особенностей. Обеим эпохам свойственны... декоративные лигатуры и прочие вычуры“ (В. Н. Щепкина. Учебник палеографии. М., 1920, стр. 121—122).

² В первом издании всюду проставлен конечный *ѣ*, тогда как он отсутствовал в рукописи в тех случаях, где конечная согласная была выносной.